

Машковцев Андрей Анатольевич

ЛЮТЕРАНСКАЯ ОБЩИНА КАЗАНИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассмотрены взаимоотношения немецкой евангелическо-лютеранской общины Казани с местной гражданской администрацией и правоохранительными органами в годы Первой мировой войны. Автор проанализировал причины смены конфессионального курса в отношении лютеран в 1914 г., когда руководство страны и региональные власти перешли от сотрудничества и диалога с этой религиозной организацией к ограничению её прав. Показаны основные проявления репрессивной политики в вероисповедной сфере, в частности преследования лютеранского духовенства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/6-2/32.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (20): в 2-х ч. Ч. II. С. 131-134. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Иначе говоря, в эти тяжелые для Дагестана годы Россия оказала его народам неоценимую помощь. Все это способствовало усилению пророссийской внешнеполитической ориентации дагестанских правителей, создавало более благоприятные условия для дальнейшего развития российско-дагестанских отношений. Дагестанские феодальные правители стали проявлять большую инициативу в расширении торгово-экономических контактов с Россией, стремились заручиться ее помощью.

Список литературы

1. Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан: исторические сведения о Дагестане. Махачкала, 1994. 224 с.
2. Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991. 305 с.
3. Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом: материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел: 1578-1613 гг. М., 1889. Вып. I. 582 с.
4. История Азербайджана. Баку, 1958. Т. I. 568 с.
5. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. М., 2004. Т. 1. 627 с.
6. Козубский Е. И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. 468 с.
7. Котов Ф. Хождение купца Федота Котова в Персию. М., 1958. 112 с.
8. Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: вторая половина XVI – 30-е годы XVII в. М., 1963. 371 с.
9. Кушева Е. Н. Русско-дагестанские отношения в XVI-XVII вв. Махачкала, 1954. 26 с.
10. Новосельцев А. П. Освободительная борьба народов Закавказья в XVI-XVII веках // Вопросы истории. 1969. № 9. С. 116-128.
11. Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией: сборник документов / под ред. Н. И. Веселовского. СПб., 1892. Т. II. 445 с.
12. Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией: сборник документов / под ред. Н. И. Веселовского. СПб., 1898. Т. III. 731 с.
13. Петрушевский И. П. Азербайджан в XVI-XVII вв. // Сборник статей по истории Азербайджана. Баку, 1949. Вып. I. С. 225-297.
14. Рахмани А. А. «Тарих-и алам арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана. Баку, 1960. 192 с.
15. Сванидзе М. Х. Турецко-иранские отношения в 1613-1619 гг. и Грузия // Османская империя: система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М., 1986. С. 186-199.
16. Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. М., 1958. 244 с.

**RUSSIA HELP TO DAGESTAN IN INDEPENDENCE ASSERTION FROM IRAN
AT THE BEGINNING OF THE XVIITH CENTURY**

Sharafetdin Arifovich Magaramov, Ph. D. in History
*Department of Dagestan Ancient and Medieval History
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Scientific Center of Russian Academy of Sciences
sharafutdin@list.ru*

The author shows help and auspices on Russia part to Dagestan peoples in their struggle against Iranian invaders at the beginning of the XVIIth century that led to the intensification of Dagestan rulers' foreign-policy orientation to Russia, and reveals the reasons of Russia support of Dagestan peoples, the tsarist government opposition to Iranian shahs' plans to conquer the Dagestanis, and Dagestan rulers appeal to Russia for help and auspices.

Key words and phrases: Russia; Dagestan; Iran; help; auspices; struggle for independence; Dagestan rulers; pro-Russian orientation.

УДК 93/94

В статье рассмотрены взаимоотношения немецкой евангелическо-лютеранской общины Казани с местной гражданской администрацией и правоохранительными органами в годы Первой мировой войны. Автор проанализировал причины смены конфессионального курса в отношении лютеран в 1914 г., когда руководство страны и региональные власти перешли от сотрудничества и диалога с этой религиозной организацией к ограничению её прав. Показаны основные проявления репрессивной политики в вероисповедной сфере, в частности преследования лютеранского духовенства.

Ключевые слова и фразы: Евангелическо-лютеранская церковь; Первая мировая война; конфессиональная политика; правоохранительные органы.

Андрей Анатольевич Машковцев, к.и.н., доцент
*Кафедра отечественной истории
Вятский государственный гуманитарный университет
wikna116@rambler.ru*

ЛЮТЕРАНСКАЯ ОБЩИНА КАЗАНИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ©

В течение всей своей тысячелетней истории Казань всегда отличалась чрезвычайно пёстрым конфессиональным составом населения. В начале XX века помимо большого числа православных и мусульманских

приходов в городе имелись римско-католическая, евангелическо-лютеранская, иудейская и несколько старообрядческих общин. Их взаимоотношения с местными органами управления даже на закате империи складывались весьма непросто, что хорошо видно на примере казанских лютеран.

Лютеранская община Казани относится к числу старейших неправославных религиозных объединений города. И. П. Корнилов относит первое упоминание о казанских лютеранах к периоду Ливонской войны 1558-1583 гг., когда в только что присоединённом к России городе разместили партию прибалтийских немецко-военнопленных, среди которых был лютеранский пастор Скультет [2, с. 651]. Однако окончательно лютеранская община Казани сложилась лишь во второй половине XVIII в., после переселения сюда нескольких десятков немецких семей. По своему социальному составу это были, главным образом, предприниматели, чиновники губернской администрации, а также инженеры, работавшие на промышленных предприятиях края. В 1767 г. местные лютеране начали возведение собственного храма – церкви св. Екатерины. Кирха была построена в 1771 г., но простояла недолго: летом 1774 г. во время штурма города войсками Е. И. Пугачёва она оказалась в зоне ожесточённых боевых действий и сгорела. Уже через три года храм восстановили, хотя в последующем он неоднократно перестраивался.

В XIX – начале XX в. российские лютеране не испытывали больших трудностей в стране, где официальной религией было православие. Все религиозные меньшинства России в данный период делились на две группы – терпимые и гонимые. Лютеранство не только относилось к числу терпимых конфессий, но и, по мнению известной саратовской исследовательницы О. А. Лиценбергер, пользовалось поддержкой и покровительством российского правительства [4, с. 6-8]. Это объясняется, в первую очередь, тем, что в обозначенный хронологический период лютеране занимали весьма прочные позиции в высших органах государственной власти (достаточно вспомнить А. Х. Бенкендорфа или С. Ю. Витте) и в армии (М. Б. Барклай де Толли). Кроме того, лютеране в России, в отличие от других инославных христиан, всегда отличались полной лояльностью по отношению к власти. Наконец, в отличие от других протестантов (в частности, баптистов) лютеране не занимались прозелитизмом среди православных верующих.

Принятие 17 апреля 1905 г. манифеста «Об укреплении начал веротерпимости», фактически провозгласившего в России свободу вероисповедания, способствовало дальнейшему укреплению позиций евангелическо-лютеранской церкви. В частности, продолжился рост числа лютеранских приходов. Кроме того, манифест провозгласил свободу выбора веры, чем воспользовались некоторые православные, желавшие перейти в лютеранство. Несколько подобных случаев произошло и в Казани. Так, в апреле 1911 г. из православия в лютеранство перешла врач одной из больниц Казани Р. Н. Быховская [6, д. 129716, л. 2], а в сентябре того же года мещанка В. И. Иевлева [Там же, д. 129867, л. 2]. Впрочем, даже в период Думской монархии такие случаи являлись большой редкостью и не шли ни в какое сравнение с массовым выходом из православия крещёных татар в той же Казанской губернии. Переход в лютеранство некоторых этнических русских объяснялся либо их личным духовным выбором, либо какими-то конъюнктурными факторами, но не миссионерской деятельностью Евангелическо-лютеранской церкви, продолжавшей сохранять полную лояльность не только в отношении светских властей, но и Русской православной церкви.

Однако начавшаяся летом 1914 г. Первая мировая война резко изменила ситуацию, крайне негативно отразившись на положении российских лютеран. Главным противником России в этой войне была Германия, кровопролитные сражения с которой (например, Восточно-Прусская операция, завершившаяся разгромом 2-й армии генерала А. В. Самсонова) вызвали мощный рост шовинистических и антинемецких настроений в русском обществе. Признанный специалист по российской военной истории Уильям Фуллер отмечает: «Особенно явно ненависть ко всему германскому проявлялась в среде образованных классов Российской империи, которым следовало быть умнее. Когда Московское литературно-художественное общество на своём собрании 10 октября 1914 г. проголосовало за исключение всех лиц с немецкими фамилиями, замечательный историк С. П. Мельгунов в виде протеста вышел из его состава – и уже вечером имел возможность прочесть о своём “предательском” поступке в правых газетах. Самого невинного проявления любви к немецкой литературе, музыке было достаточно, чтобы вызвать потоки оскорблений, а иногда и похуже» [11, с. 215].

Зачастую антинемецкие настроения принимали крайне агрессивные формы, явно выходявшие за рамки правового поля. Примерами могут служить разгром германского посольства в Петербурге 4 августа 1914 г. и массовые погромы немцев в Москве 26-29 мая 1915 г. [1, с. 18]. Подобные кровавые акции приводили к уничтожению имущества российских немцев, а иногда и гибели их самих. Так, в результате упомянутого московского погрома было разгромлено 475 коммерческих заведений, принадлежавших немцам, разграблено 207 квартир, избито около 700 человек, при этом некоторые умерли от побоев [11, с. 217].

Руководство страны не только не препятствовало росту антинемецких настроений, но, напротив, потворствовало ему. Всячески разогревая шовинизм и шпиономанию, оно, видимо, рассчитывало вину за собственные ошибки и просчёты возложить на российских немцев, представляя их в качестве «пятой колонны» Германии.

Наряду с развёртыванием антинемецкой пропаганды, власти империи широко использовали репрессии против подданных Германии и Австро-Венгрии, живших на территории России. При этом следует оговориться, что многие из этих людей были связаны со своей исторической родиной лишь номинально. Значительная их часть являлась потомками иностранцев, поселившихся в России: сами они родились и выросли в этой стране, знали русский не хуже (а иногда и лучше) немецкого языка, любили русскую культуру. Тем не менее уже летом-осенью 1914 г. эти германские и австрийские подданные были депортированы с территории Варшавского генерал-губернаторства, Подолии, Волыни и др. Интернированные направлялись во

внутренние районы страны, в том числе и Казанскую губернию [10, с. 34]. Сюда же хлынул мощный поток военнопленных. По данным Д. Люкшина, лишь в 1914-1915 гг. в край прибыло свыше 20 тыс. пленных австро-венгерской и германской армий [5, с. 24].

Как уже отмечалось, Первая мировая война крайне негативно отразилась на статусе Евангелическо-лютеранской церкви. Это хорошо прослеживается на примере региональных лютеранских общин, в частности казанской. Как и большинство лютеранских приходов внутренних губерний страны, приход церкви св. Екатерины г. Казани состоял преимущественно из немцев. По данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г., они составляли 72% от общей численности прихожан [3, с. 83]. В годы Первой мировой войны этот показатель возрос за счёт большого числа интернированных немцев. Естественно, что с началом боевых действий все казанские лютеране попали под пристальный контроль местных правоохранительных органов.

Под особым контролем полиции находилось лютеранское духовенство. Власти опасались, что пасторы будут использовать церковную проповедь в целях прогерманской пропаганды. Основываясь на информации, получаемой от осведомителей, а иногда на слухах, следственные органы в течение всей войны возбуждали дела в отношении лютеранского клира, заподозренного в нелояльности. В одних случаях подобные дела довольно быстро разваливались, поскольку не имели практически никакой доказательной базы, но иногда дело заканчивалось арестами пасторов и их высылкой в отдалённые районы Сибири.

Настоятелем лютеранской церкви Казани в годы Первой мировой войны являлся пастор Эдуард Карлович Гохайзель (Hoheisel), хотя в документах Национального архива Республики Татарстан он обозначен как Гохэйзель [7, д. 2957, л. 13]. Э. К. Гохайзель занял место пастора летом 1903 г., сменив прежнего настоятеля храма св. Екатерины Рихарда Валькера [9, д. 611, л. 29]. Ранее Гохайзель служил в лютеранской церкви Ижевска, находившегося до Октябрьской революции 1917 г. в составе Вятской губернии.

В течение первых 11 лет службы в Казани у Э. К. Гохайзеля не было никаких серьёзных конфликтов с местной администрацией. Помимо богослужбной деятельности в храме пастор преподавал Закон Божий в учебных заведениях Казани, в частности в местном реальном училище и в трёх казанских гимназиях [7, д. 2957, л. 32-35]. Директора школ, как и местная полиция, давали пастору положительную характеристику, не ставя под сомнение его лояльность. Ситуация резко изменилась с началом Первой мировой войны.

Мы уже отмечали, что в 1914-1915 гг. в Казанской губернии и смежных с ней регионах находилось большое количество военнопленных и интернированных подданных «центральных держав». Многие из них оказались в крайне тяжёлом материальном положении и испытывали большие лишения. Помощь таким людям пытались оказывать различные международные благотворительные организации, а также дипломатические представительства ряда стран, пока ещё сохранявших нейтралитет в войне. Здесь особо следует выделить США, которые во время первого срока президентских полномочий В. Вильсона старались дистанцироваться от военного конфликта европейских держав, но в то же время оказывали масштабную гуманитарную помощь жертвам войны, в том числе пленным и интернированным лицам. Так, американское посольство в Петербурге регулярно выделяло на эти цели крупные денежные средства, для распределения которых привлекались представители протестантских церквей. Среди лютеранских пасторов, занимавшихся подобной деятельностью, был и Э. К. Гохайзель.

Осуществляя пасторскую деятельность не только в Казанской, но и в Вятской губернии, Э. Гохайзель всячески помогал находившимся в данном регионе интернированным подданным «центральных держав» и военнопленным. Международные гуманитарные организации и Генеральное консульство США перечисляли на его счёт достаточно крупные суммы, которые пастор передавал нуждающимся. География благотворительной деятельности священнослужителя весьма обширна. Получатели помощи жили не только в Казани и Вятке, но и в Цивильске, Котельниче, Мамадыше, Белой Холунице и пр. [8, д. 956, л. 55].

Естественно, что подобная деятельность не осталась незамеченной правоохранительными органами Казанской губернии. В условиях роста германофобии и начавшейся шпиономании постоянные поездки немецкого пастора по территории двух тыловых губерний и его обширные контакты с подданными Германии и Австро-Венгрии вызывали явную настороженность контрразведки. Уже осенью 1914 г. пастор попал под пристальный надзор Казанского губернского жандармского управления, стремившегося любыми способами пресечь работу Э. Гохайзеля среди военнопленных. Для этого жандармам был необходим лишь предлог, и он вскоре нашёлся.

22 декабря 1914 г. помощник начальника Казанской губернской тюрьмы П. П. Степанов сообщил жандармерии о том, что в квартире лютеранского пастора Э. Гохайзеля «по вечерам часто собирается много публики, преимущественно немцев, которые ругают русское правительство и... все сочувствуют Германии» [Там же, л. 2]. Самому П. П. Степанову об этом сообщила сестра его жены – Матильда Ивакина, часто бывавшая в доме пастора в качестве портнихи.

На основе данной информации Казанское губернное жандармское управление начало осуществлять следственные мероприятия. 26 и 28 февраля 1915 г. жандармы провели обыски в квартире священника. Для перевода обнаруженной корреспонденции, книг и периодики привлекался преподаватель 2-й Казанской мужской гимназии А. П. Сиверс, хорошо владевший немецким языком.

В ходе обыска были обнаружены квитанции денежных переводов на сумму от 30 до 1 500 руб. Наиболее крупные суммы перечисляло Генеральное консульство США. Также ротмистр Кирсанов, руководивший следственными мероприятиями, нашёл в отдельной папке обширную переписку, которую вел пастор. Её основу составляли письма пленных и интернированных с просьбой об оказании им посильной материальной помощи, а также благодарности за уже предоставленные пособия. Кроме того, здесь же находилась деловая переписка с различными комитетами, занимавшимися делами военнопленных, а также с Генеральным консульством США.

К счастью для пастора, жандармы не обнаружили в изъятой корреспонденции ничего крамольного, кроме описания довольно тяжёлого положения некоторых пленных и интернированных, которое в целом соответствовало действительности. Поскольку в действиях Э. Гохайзеля отсутствовали признаки состава преступления, начатое следственными органами дело было прекращено, и пастор избежал участи других лютеранских священников, подвергнутых различным репрессиям в разгар антигерманской кампании. Э. Гохайзель продолжил исполнять священнические функции вплоть до 1918 г. и покинул Казань уже при большевиках в самый разгар Гражданской войны в России.

Таким образом, в годы Первой мировой войны казанские лютеране, как и их единоверцы в других регионах Российской империи, попали под пристальный контроль правоохранительных органов. В условиях роста шовинистических настроений и германофобии жандармы смотрели на немцев, составлявших ядро лютеранской общины Казани, как на потенциальных шпионов.

Список литературы

1. Гатагова Л. Хроника бесчинств: немецкие погромы в Москве в 1915 г. // Родина. 2002. № 10. С. 18-23.
2. Корнилов И. П. Лютеранство // Татарская энциклопедия. Казань, 2006. Т. 3. С. 651-652.
3. Курило О. В. Лютеране в России: XVI-XX вв. М., 2002. 400 с.
4. Лиценбергер О. А. Евангелическо-лютеранская церковь в Российской империи: XVI-XX вв. М., 2004. 544 с.
5. Люкшин Д. «Да за нашими бабами вьются»: военнопленные в крестьянской России // Родина. 2002. № 10. С. 24-27.
6. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 4. Оп. 1.
7. НАРТ. Ф. 92. Оп. 2.
8. НАРТ. Ф. 199. Оп. 1.
9. НАРТ. Ф. 359. Оп. 1.
10. Нелипович С. Г. Репрессии против подданных «центральных держав»: депортации в России в 1914-1918 гг. // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 32-43.
11. Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009. 376 с.

KAZAN' LUTHERAN COMMUNITY DURING THE FIRST WORLD WAR

Andrei Anatol'evich Mashkovtsev, Ph. D. in History, Associate Professor
 Department of Native History
 Vyatka State Classical University
 wikma116@rambler.ru

The author considers the interrelations of the German Evangelical-Lutheran community of Kazan' with local civil administration and law enforcement agencies during the First World War, analyzes the reasons of confessional course change in relation to Lutherans in 1914, when the country leadership and regional authorities proceeded from cooperation and dialogue with the religious organization to its rights restriction, and shows the basic manifestation of repressive policies in confessional sphere, in particular Lutheran clergy persecution.

Key words and phrases: Evangelical-Lutheran church; First World War; confessional policy; law-enforcement agencies.

УДК 93/94

В статье рассмотрены историографические подходы к интерпретации событий 1916–1925 годов в Ирландии. Автор приходит к выводу, что события на Юге и Севере Ирландии 1920-х годов развивались в рамках единого процесса, только их целостный анализ может выявить истинные причины разделения Ирландии. По мнению автора, Ирландская революция представляла конфликт различных конкурирующих субкультур, в основе которого лежало стремление различных слоев ирландской буржуазии пошатнуть монополию аристократически-олигархических кругов Британской империи на власть.

Ключевые слова и фразы: Ирландская революция (1916-1925); Гражданская война в Ирландии (1922-1923); Ирландская республиканская армия (ИРА); разделение Ирландии; «экспорт» революции; субкультура.

Светлана Викторовна Мельникова, к. филос. н.
 г. Комсомольск-на-Амуре
 molinero.luz@gmail.com

СОБЫТИЯ 1920-Х ГОДОВ В ИРЛАНДИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ©

Историки все чаще рассматривают весь период 1910–1930-х годов как целостный процесс, поскольку даже после Гражданской войны (1922-1923) конфликт не завершился, а лишь миновал свою кровавую кульминацию,